

АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВ

Эффект лотоса

Рассказ

1

— А этот волк хороший или плохой? — спросила Дашка, не отрываясь от экрана телевизора, где показывали мультик про добро и зло.

— Волк? Плохой, — неуверенно ответил Юлий, ее отец.

— А зайчик хороший? — продолжала переживать Дашка.

— Зайчик? Кто его знает. Скорее всего, хороший, — сказал Юлий, отзываясь более на свои мысли, нежели на слова дочери.

— Почему? — не унималась дочурка.

— Потому что он белый и пушистый, — сказал Юлий только для того, чтобы что-нибудь сказать.

Она облегченно вздохнула, нащупала плюшевого зайца (почему-то серого, в яблоках, словно лошадь), не отрывая взгляда от экрана, и прижала его к себе.

Юлий внимательно посмотрел на дочь.

— А ты хорошая? — спросил он без улыбки.

Дашка не задумываясь отрицательно покачала головой.

— Нет? — удивился Юлий.

— Нет.

— Почему?

— Я маму люблю.

— Так-так.

Он опустил перед дочерью на корточки, как зек. Скорее инстинктом отца и неглупого мужчины, чем воспитателя, Юлий почувствовал, что этот ответ нельзя оставлять без внимания. За эту ниточку следует потянуть. Именно сейчас, когда она всецело захвачена волчье-заячьей интригой и разговаривает с ним словно во сне, под гипнозом; потом, когда вернется в реальность и сосредоточится на своих детских переживаниях, она уйдет в себя, как ее мать, и разговорить ее будет гораздо сложнее, если вообще возможно.

— А мама хорошая? — спросил он вкрадчиво, чтобы не спугнуть первобытную искренность дочери.

— Не-а. Плохая.

— Почему, Дашун?

— Она же ушла из семьи и нас бросила. Ты сам так говорил. Папа, а заяц боится волка или притворяется?

— Притворяется, конечно.

Дашка перевела на него свои круглые глаза, чистота которых всегда переворачивала ему душу, и сказала, по-взрослому вкладываясь в каждое слово:

— Папа, он его боится.

— Заяц?

— Да, папа.

— Не исключено.

— Уф! — воскликнула Дашка, откидываясь на спинку дивана. — Все, конец! Ну, волчара, дурак такой! Чуть не съел зайца!

Она отбросила потрепанного зайца в угол дивана (он завалился на бок и рухнул на пол — Дашка ухом не повела) и забралась к отцу на колени.

— Пап, а знаешь что?

— Ты хочешь о маме поговорить, мое золото?

— Нет. Знаешь что, — а купи мне волка.

— Зачем?

— Он прикольный.

— Ты хочешь сказать — плохой?

— Нет, пап — он прикольный.

— Понятно, — сказал Юлий, как всегда говорил в тех случаях, когда ему ничего не было ясно или когда он был не согласен с собеседником.

— Купишь, пап?

— Куплю, конечно, раз он прикольный. А он не съест твоего зайца?

— Пап, ну что ты как маленький? Он же будет плюшевый. Как он его может съесть? Ну, как?

— Никак, пожалуй.

— Смотри. Не давай слова, держись, а давай слово, крепись. Обещания нужно выполнять. Да, пап?

Юлий по опыту знал: Дашка не отстанет.

Она была копия своей матери: такая же тихая, но себе на уме; иногда же редкостно, феноменально настырная. У Юлия возникало впечатление, что жена его копит, копит свое упрямство, понапрасну его не расходует, и когда посчитает необходимым, пускает в дело весь запас.

Тогда, если не хочешь больших неприятностей, надо отойти в сторону, отступить.

Но только не в этот раз.

В этот раз, дорогая Юлия, ты нарвалась на скалу.

— Даша, только надо говорить так: не давай слова, крепись, а давай слово, держись.

— Папа, ты же знаешь: я всегда путаю. Так ты купишь волка?

— Сама ты волк, — сказал Юлий. — Подними зайца.

— Так купишь, пап?

— Будет тебе прикольный волк, — вкладываясь в каждое слово, произнес Юлий.

«Если разобраться, то в дочери и от отца не меньше», — подумал Юлий, прижимая Дашку к себе.

2

Жили-были Юлий и Юлия, и все у них было хорошо, как у всех: безмятежное детство, мятежная юность, пафосная молодость, остывающие с возрастом души. Однажды они случайно встретились, приглянулись друг другу, потом, судя по всему, влюбились (взаимно) и, в конце концов, поженились. Возник союз. Все как у людей.

Они были обычной, если не сказать типичной, парой. Родилась у них дочь Дашка, и они в ней души не чаяли. Жар сердец отдавали они теперь семей-

ному очагу: они уже любили не столько друг друга, сколько свою семью, центром которой стала Дашка. Все как положено.

Но вот в Юлии нечаянно-негаданно (этому ведь никто не учил, об этом никто не предупреждал) проснулось глубоко женское — в ней очнулась спящая красавица, Джульетта. Она решила, что безумно любит своего ново-явленного Ромео, ибо родилась она для страсти и любви, которыми в жизни была обделена. Отринув меркантильные расчеты и унижающий все высокое в человеке прагматизм, гм-гм, Юлия, как человек глубоко порядочный и, следовательно, рассчитывающий на порядочность другого, тут же поставила в известность до той поры если не глубоко обожаемого, то вполне уважаемого супруга своего Юлия.

Юлий также удивил себя, всех, и прежде всего Юлию. В нем проснулось нечто глубоко мужское, brutальное, корнями уходящее в дионисические хляби; в нем проснулся Цезарь в латах, деспот и тиран. Дремавшие в Юлике власть и сила оказались куда крепче, прочнее и первобытнее порядочности, которую Юльке угодно было толковать как «сделай все возможное и невозможное, чтобы жена твоя любимая ушла к Ромео и была с ним счастлива».

Юлий удивил Юлию, а именно: он выбросил ее чемодан с вещичками со словами «убирайся к чертовой бабушке, змея подколотная, и передай своему поручику, чтобы не попадался мне на глаза, пес паршивый, а если подойдешь к Дашке, порву тебя, как Барсик перчатку».

Скорее всего, это было непорядочно, как-то дико, и Юля как человек порядочный имела полное моральное право обидеться, однако бедная женщина испытывала совсем иные чувства. Она втайне любовалась вулканическим началом, звоном металла — так сказать, Цезарем в Юлии, бывшем суженом, а поникшего Ромео, Василия по паспорту, все более и более переставала уважать, несмотря на то, что ради нее он как истинный джентльмен бросил свою семью.

Все так запуталось, все стало таким непредсказуемым.

Юлия, втайне считавшая себя сильной женщиной, обнаружила в себе слабую, незащищенную девочку. Своего мужа (бывшего?! о, нет! или все же — да?), обычного мужчину, она перестала понимать и предсказывать, даже не пыталась угадать логику его поступков. Он стал казаться ей страшным, непонятным и, чего греха таить, величественным. А тот, кто вчера еще казался роскошным и всепобеждающим, ослепительный Василий, не кто иной, сегодня выглядел как задавленный проблемами среднестатистический мужчинка. Ничего от бывшего великолепия и исключительности. Вот как-то не хватило ему духу и уверенности. Хотя все, казалось бы, делал правильно. Претензий нет, но и увлеченность враз пропала.

Она запуталась. Ослепла. Испила яду искушений. Погибла.

Что же теперь будет?

Постепенно в душе обрисовывался и обрастал внятными контурами будущий центр возрождения, непотопляемый остров: Дашка. Точка, точка, запятая. Минус. Розица кривая. Палка, палка. Огуречик. Вот и вышел человечек. К Дашке ее тянуло неодолимо, и за нее она готова была драться насмерть. При имени «Дашка-а!», отзывавшемся в душе болью и радостью, пропадал страх, наплевать становилось на любовь и счастье, на порядочность и страсть. В Юльке просыпалась уже не Джульетта, и не Афродита даже; может быть, сама Деметра. В недрах женского существа оттаивала какая-то мать-сыра-земля, ответственная за циклы жизни, а не за перспективы одинокой заблудившейся барышни.

Джульетта нарвалась на Цезаря и губельно превратилась в лужицу слез, испарившись нежной Снегурочкой; теперь Цезарю придется иметь дело с богиней, поставившей на колени самого Зевса.

— Дашка!
— Что, папа?
— Вот твой волк прикольный. Держи зверя.
— Ой, спасибо! Какой хорошенький! Большой!
— Он злой и страшный, имей в виду.
— Нет, папа! Он милый. Такой серенький. И грустный.
— Грустный! Да ты на его пасть посмотри! Кошмар Красной Шапочки. Как ты его назовешь, интересно?
— Барсик!
— Вот это новость! Ведь это собачье имя. Дворняжье. А он лесной разбойник.
— Папа! Я же девочка. Меня должны окружать добрые люди и звери, а не чудовища. Мама так говорила.
— Люди, звери. И мама.
— Да, и мама. Папа, ты простишь ее?
— Не знаю.
— Нельзя же быть таким злым. Я тогда не буду тебя любить.
Юлий присел на корточки перед дочерью.
— Ты считаешь, что если я ее не прощу, то плохим буду я?
— Конечно. Теперь она будет хорошая, а ты плохой. Как волк.
— А почему она хорошая?
— Потому что она мне нужна. Она называла меня «мой Цветочек».
— Понятно.
Юлий подошел к висевшему на стене портрету своего деда, известного полководца Великой Отечественной, позднее впавшего в немилость у сердобольного народа. Долго смотрел на его ордена и медали, потом скрестил с ним взгляды. Дед в резкой форме был в чем-то не согласен с внуком.
— А если я уйду из дома, Дашка? Я буду плохим?
— Папа, ты не будешь плохим; ты будешь просто чужим. Как папа Светки, с которой я дружу. Он забирает ее в воскресенье и кормит мороженым, а потом у нее болит горло. А вообще-то прикольно. Я люблю мороженое.
— Завтра придет твоя мама.
— Ура! Ты ее простишь?
— Смотря как она себя поведет. Смотря как я себя поведу. Знаешь, что такое открытый финал?
— Знаю! Это когда добро победит зло.
— Не совсем...
— Значит, простишь. Смотри: не дав слова, держись...
— Крепись.
— Крепись. А дав слово, держись. Так говорил твой дед Павел? Вон тот? На стене который?
— Да, он говорил именно так. Он был героем. У тебя есть предок, которым можно гордиться. Это хоть какой-то якорь в жизни, поверь.
— А почему мама называет его Людоедом? Он был волк, что ли?
— Нет, он не был волком. Просто мама твоя дура.
— Папа! Разве можно так говорить о женщинах?
— Нельзя. О женщинах надо отзываться уважительно.
— Почему же ты сказал?
— Потому что я плохой.
— Нет, папа, ты не плохой; ты просто плохо поступил. Нельзя говорить человеку, что он плохой, а то он захрюкает. Так меня мама учила. Она ведь не дура? Нет, ты скажи, ты не молчи.

- Нет. Она не дура. Я надеюсь.
- Ну вот видишь! Сам сказал! Значит, ее надо простить.

3

На следующий день Юлия пришла к мужу и дочери не одна. С цветами.

Наличие в опущенной руке красноречиво молчащего букетика, очевидно, следовало расценивать как знак извинения, в идеале плавно переходящего в примирение. Букет был сдержанным и скромненьким. Символическим. Ромашки, доверчиво распахнутые миру, как глаза Дашки, прикрывались декоративной травкой. Выжидательный букетик.

— Где Даша?

— Она у бабушки, дочери Людоеда. Которому тиран, время от времени выступавший в роли вождя и учителя, присвоил звание Маршала Советского Союза.

— Юлий! Давай сейчас не будем об этом! К нашей ситуации это не имеет никакого отношения. Я знаю: я поступила плохо. Я приношу свои извинения. Я стала другой. Сильный человек должен уметь прощать. Я надеюсь, ты сильный. Помнишь, как ты говорил? Тот, кто держит в руках цветы, не способен сделать ничего плохого. Вот я стою перед тобой с цветами в руках, с открытым сердцем...

— Ты уже сделала плохое: ты сорвала цветок. Убила жизнь.

— То есть как — убила? Я никого и ничего не убивала. Не надо быть фарисеем. Это всего лишь цветы. Ты мне тоже дарил цветы — значит, ты тоже поступал плохо?

— Нет. Я тебя любил.

— Тебе можно дарить девушке цветы, а мне своему мужу — нельзя?

— Когда любишь, можно все. Тогда цветы радуют. А если ты предала, зачем рвать цветы?

— Ты не можешь забрать у меня Дашку! Не можешь! Я тебе ее не отдам! И не надейся!

И в доказательство своей решимости она швырнула свежий букет на пол. Теперь рассыпавшиеся веточки и стебельки смотрелись поникшим, но все еще живым укором, символом растоптанно-втоптанного чего-то нежного и ранимого. Ромашки страдальчески уткнулись светло-желтыми личиками в линолеум.

Красивые цветы, валяющиеся на полу, — всегда тревожный и плохой предвестник. Жест жены можно было понять так: «сантименты в сторону».

Вряд ли это было домашней заготовкой; скорее всего, чистой воды импровизация. Юлий никогда еще не видел свою жену столь воинственно настроенной. В ней клокотало не упрямство, а твердость. Черта натуры нашла точку приложения в жизни и становилась силой характера. Это невольно внушало уважение.

Однако Юлий не намерен был капитулировать так легко. Он вообще не намерен был капитулировать. В его жизни также начиналась новая полоса.

Он весело смотрел на ее гнев и отчаяние, понимая, что легкомысленная насмешливость пугает ее и деморализует. Но у него и в мыслях не было проучить ее, отомстить или задать примерную трепку. Вовсе нет.

Боль и унижение обострили способности ума, и теперь он начинал осознавать природу своей силы. Он понял: чтобы жить с женщиной, необходимо соблюсти два условия (по крайней мере, в его случае).

Первое: надо открыться самому себе до конца, железом каленым выжечь всякие сопливые иллюзии, заглянуть к себе в душу и увидеть то, что там есть, без прикрас: золото — значит золото; плесень — значит плесень. Зачем? Затем, чтобы стремление к силе и власти, свойственные всякому, даже самому заваляющему мужичонке, обернуть на нужды самопознания. Сила и власть как цель и смысл — это врожденное, своеобразная родовая отметина или генетический признак. Самопознание — благоприобретенное, завоеванное с помощью силы качество.

Ерго: стать мужчиной — значит научиться контролировать природное стремление к силе и власти.

Второе: надо, чтобы она, женщина, почувствовала (понять-то ведь ей не дано; или все же дано? ладно, это пока неясно) масштабность твоей мужской натуры.

Если почувствует, если ей дано почувствовать, если в душе у нее присутствуют врожденные рецепторы, то она будет твоей. Если нет, то это не твой человек. Это мелкий, плохой человек.

А зачем это все?

А затем, что он, мужчина, должен вырастить из дочери своей настоящую женщину. Правильную. Хорошую. А что значит вырастить дочь?

Это значит — разобраться в себе.

Задача стояла вовсе не так: простить — или не простить; быть великодушным — или не быть. «Сильный человек должен уметь прощать...» Это пустые слова, религия плохого человека.

Проблема была в другом: что есть жизнь? Что есть человек? Мужчина? Женщина? Истина?

Стремление разобраться в себе Юлий стал осознавать как первый долг мужчины. Долг перед собой. Дочерью. Жизнью. Истиной.

Ерго: дочь и истина стояли в одном ряду. Тесно прижавшись друг к другу. Почти как добро и зло.

И Юлия кожей и сердцем почувствовала всю мощь его новых мыслей.

Перед ней стоял человек, который улыбался не тому, что у него появилась возможность унижить ее, наказать, покуражиться, поставить на место, а тому приятному для него обстоятельству, что рядом с ним, с такими, как он, и только с ними, женщина может раскрыть всю свою красоту и силу. Он улыбался улыбкой сильного, открытого и хорошего человека.

Теперь он выбирал нужную ему женщину, давая при этом возможность ей выбирать мужчину: такого, как он, или в принципе на него не похожего. Честно и откровенно.

И это было уже не как у всех, Юлий предлагал что-то новое в жизни. В его облике и поведении появилось что-то от Зевса, и Юлия сразу же почувствовала, что следует считаться с его правилами игры. Она доверилась тому, чему не может не довериться нормальная женщина.

В этот момент Василий показался ей вызывающим жалость мужественным идеалом, безупречным героем, достоинства которого делали его маленьким, мультяшным, и ей стало неловко за свою вчерашнюю наивность. Стало стыдно не перед Юлием — перед собой. Боже мой, как это было глупо! И потому — пошло. Захотелось по примеру ромашек укрыться от света.

Но Юлий не торопил события; он стоял и ждал.

Вот это было в нем новое: умение держать паузу. Сразу верилось: этот никогда больше не будет суетиться. И сделает то, что надо.

— Ты позволишь мне быть матерью для моей дочери Даши?

— Как же я могу забрать у тебя это право? Об этом не надо просить. Хочешь быть матерью — будь ею.

— Хорошо. Тогда скажи, чего хочешь ты.

— Многого. Я и сам не знаю, чем закончится наш разговор, но я намерен прояснить наши отношения. До конца. До первоосновы. До тины болотной. Извини за откровенность. По-другому сегодня со взрослыми и близкими мне людьми я не умею, не хочу и не буду.

— Нам надо поговорить, согласна. Я внимательно слушаю тебя.

— Для начала я хочу знать, кого ты считаешь хорошим человеком?

— Что за вопрос? Каждый по-своему хорош. И по-своему плох. Не бывает же однозначно плохих или хороших. Это только в сказках для Дашки есть славные герои и черные злодеи. А в жизни все по-другому. Неизвестно, как все обернется.

— Не скажи. В жизни все именно так, как в сказке. Или как на войне. Люди делятся на хороших и плохих. И в этом вся загадка жизни. Тут не надо вилять хвостом. Тут надо принять чью-то сторону.

— Не могу понять, к чему ты клонишь. Ты хочешь объяснить мне, почему я плохой человек? Давай, валяй. Аргументов в твоём распоряжении в избытке. Если собьёшься, я помогу. Память у меня хорошая.

— Сколько иронии! Тут до праведного гнева рукой подать. В сказку не веришь, но предлагаешь, чтобы битый небитого на собственном хребте подвез до ближайших райских куш.

— Чего ты хочешь? Не мучай меня!

— Я хочу, чтобы ты объяснила мне, почему ты считаешь моего деда Людоедом?

— Юлий, я прошу тебя: при чем здесь это? Это древняя тема, седая история. Это не про нас.

— Нет, это про нас. Здесь есть связь. Ответь, пожалуйста.

— Зачем так издалека? Прямо как робкий мальчишка или занудный старик. Хочешь спросить про полковника Василия...

— Мне наплевать на твоего Василия. Он чином не вышел. Мелкота. Куда более меня интересует мой дед.

— Хорошо, я отвечу. Твой дед получил звание заслуженного Людоеда потому, что загубил тысячи, десятки тысяч душ ради этой чертовой победы.

— Этому тебя праведница-мама научила?

— Да, мама. Именно в ее романе выведен образ Людоеда. И не мама виновата в том, что по кровавым повадкам узнали твоего деда. Видимо, похож. Отец мамы, как тебе хорошо известно, десять лет протрубил в лагерях за мифическую измену родине. А потом был расстрелян. У нас дома висит только портрет твоего деда; а где же мой дед? Чем он хуже? Ах, он струсил, попал в окружение в Брянских лесах и болотах? Так он попал в окружение и испытал все прелести ада по милости Людоеда, Великого и Ужасного Маршала. Твоего деда. Где доказательства, что мой дед переметнулся на сторону врага? Показания свидетелей, впоследствии также расстрелянных? Не смешите меня. И не судите других, если не призваны. Ты хочешь услышать от меня спасибо Маршалу, спасшему страну от коричневой чумы? Но Людоедов не благодарят.

— Да, мне хорошо известна эта темная история с твоим толерантным дедушкой. Любите вы наводить тень на плетень: то ли он предал свою страну, то ли начальство его предало... Скажи, а ты считаешь свою маму талантливой писательницей?

— Нет, талантом она обделена.

— Рад это слышать. Таланта у нее нет, но книжка про Людоеда хорошая. Я правильно понял?

— Она обделена талантом, но не душой! Она хороший человек! Она всем помогает и никому не сделала зла. Тебе это тоже отлично известно. И пишет она только о хорошем, добром и вечном.

— Бездарный писатель — это гораздо хуже, чем хороший полководец. Быть бездарным писателем — значит врать на каждом шагу, себе и другим. Называть черное — белым, мелкое — великим, высокое — низким. Быть бездарным писателем — это преступление против человечества, преступление, на которое не распространяется срок давности. Бремя власти и ответственности согнуло моего деда и свело его в могилу. А вот твоя бодрая маман все прыгает и стрекочет, как сорока, она не понимает, что писатель — это ответственность, великий писатель — великая ответственность. Бездарный писатель — это плохой человек, а плохой человек не может писать о хорошем. Он это хорошее просто в упор не замечает. Не понимаю, от кого она отрешивается своими иконами? У меня такое впечатление, что от себя самой. Полагаю, в этом месте тебе следовало бы обидеться за маму.

— Я не позволю плохо говорить о своей матери! Твоя ирония также неуместна!

— Это правильно. Совершенно справедливо. Я не уважаю твою мать, что и было гарантией стабильности наших семейных отношений; но если бы ты отказалась от нее, я перестал бы уважать тебя. Я вовсе не питаю иллюзий по поводу своего деда, он был невыносим своей категоричностью; но я перестану уважать себя, если позволю в него плевать.

— Вот и оставим мою мать в покое.

— Нет, не оставим. Почему ты боишься быть справедливой к своей матери?

— А почему ты боишься быть справедливым к своему деду?

— Неправда. Я к нему справедлив. До несправедливости справедлив. Ты хочешь сказать, что Павел Илларионович был бесчувственным карьеристом? Если бы это было так, то ты права. В этом случае он Людоед и плохой человек, который прятался за спины других. А если у него просто не было иного выхода? Тогда жертвы, к сожалению, входят в понятие цена победы. Он сознательно брал грех на душу. Был патриотом. Хотел как лучше. В таком случае, он был не таким уж плохим человеком. По крайней мере, не Людоедом. Поедом он ел только себя. И его можно понять. И простить, даже если он был виноват. Даже если без вины виноват. А вот почему ты боишься быть справедливой к своей матери? Уж не себя ли ты боишься?

— Хорошо. Он не Людоед. Я погорячилась. Ты этого от меня хочешь? Пожалуйста. И это все, что мешает нам понять друг друга?

— Нет, не все. И хочу я от тебя не этого. Я хочу, чтобы твой дед, если он понимает, о чем я говорю, пожал руку моему деду.

— Ты с ума сошел! Да они давно покойники. И мир их праху. Зачем тревожить тени предков?

— Но ты ведь жива. И я жив. И Дашка. Поэтому наберись мужества — пойди и повесь портрет своего деда. Если он этого достоин. Рядом с Маршалом. Или напротив. Как считаешь нужным. В противном случае тебе придется сказать Дашке всю правду. Рано или поздно. Или об этом позабочусь я.

— Я не знаю. Я не знаю, чего достоин мой дед. И не тебе судить, хороший он был человек или плохой. Я только знаю, что моя мама любила и продолжает любить его. И я знаю, что любовь — это чувство священное.

— Любовь к папе дает основание твоей маме называть честного Маршала Советского Союза Людоедом?

— Я не знаю! Что ты все выворачиваешь корнями к небу! Я не вправе судить родителей и вообще своих предков. Они жили, как могли. Как получилось. Не судите, да не судимы будете.

— Очень удобная позиция. Я не сужу, и вы меня, будьте так любезны, не судите. Рука руку моет. Это всемирный заговор плутов и слабаков. Библейского масштаба покровительство.

Юлий Илларионович вышагивал по комнате, словно готовясь не к завершению разговора, а к решающему штурму. Юлия испытала острый приступ ненависти, глядя на его слегка сутуловатую спину, уверенную поступь. Действительно, в повадке было что-то волчье. Наводящее страх. Она ни секунды не сомневалась: Людоед в португее вот так же, от стены к стене, мерил шагами свой теплый прокуренный кабинет, уже хладнокровно приняв решение бросить беззащитных бойцов в брянских топях.

В этот момент Василий показался Юле непонятым, безвинно пострадавшим героем, достоинства которого не в состоянии были оценить узко мыслящие, и ей стало неловко за свое минутное умопомрачение, которое показалось ей прозрением.

Ей стало неловко за то, что она так легко предала Василия.

4

Юлий тем временем настойчиво что-то предлагал:

— А теперь ответь мне: что отличает хорошего человека от плохого?

— На этот вопрос невозможно ответить. Ты прекрасно знаешь это, поэтому задаешь этот дурацкий вопрос.

— Напротив, на этот вопрос ответить очень легко. Только вот жить с ответом тяжело.

— Вот ты и ответь, раз такой умный.

— Изволь. Хорошего человека от плохого отличает наличие ума.

— И все?

— И все. Хороший человек и глупость — две вещи несовместные.

— Юлик, я считала тебя умнее! При чем здесь ум? Хороший — умный, плохой — дурак? Ни в жизнь не соглашусь. В последнюю очередь ум делает нас лучше или хуже.

— А в первую очередь?

— Душа. Воспитание, благие намерения! Вера, наконец. Надежда. Не ум! При чем здесь какой-то ум? Разве мало на свете умных негодяев?

— Это ты из глупых романов своей матушки набралась? Чувства мы испытываем приблизительно одни и те же; и верим, и надеемся, как по команде; под венцом пускаем светлую слезу, над гробом — черную; мы даже поступки совершаем похожие. Но одни из нас достойны называться хорошими людьми, а другие — нет. Способность понимать — вот критерий. А умный негодяй — это все равно что живой труп. Оксюморон. Такого в природе не бывает. Увидишь — покажи мне. Это поэзотичнее йети будет. Станешь автором антропологической сенсации в науке.

— Мы ничего не знаем о людях. Ничего! Мы — тайна, даже для самих себя! Почему вдруг любовь уходит? А потом ты жалеешь об этом. А потом не знаешь, стоит ли жалеть? Почему? Что такое предательство? Неизвестно. Мы не знаем, почему бывает так, что кто-то становится маньяком, а кто-то — героем. А маньяки и герои могут быть из одной семьи, рожденными от одних и тех же родителей. Их одинаково воспитывают. Как все это объяснить? Нет, мир и человек необъяснимы. Я не верю, что они объяснимы.

— Про героев и маньяков из одной семьи — это ты о себе и своем брате?

— Перестать сыпать соль на рану. Или ты считаешь глумление над семейной трагедией привилегией умного человека? По-моему, это непорядочно.

— Если ты не веришь сама себе, если ты боишься человека, если ты не понимаешь, как надо воспитывать, не веришь в воспитание, зачем ты рожала Дашку? Зачем ты швырнула ее в этот мрак и ужас под названием мир божий? Как ты собираешься ее воспитывать? Как бог на душу положит? Вооружившись верой в лучшее? Надеюсь на чудо?

— Я собираюсь ее любить!

— А разве твоя мать не любила сыночка-подонка?

— Перестань! По-твоему, только умные имеют право рожать и воспитывать детей?

— По-моему — да. Хорошие. Иначе постоянно будете воспроизводить маньяков, трусов, предателей и бездарей. От большой, но чистой любви! Как же вы меня, сердобольные, достали! Все у вас во имя любви, все преступления во имя веры! Никак не можете усвоить, что именно слепая, глупая любовь делает отцов и детей чужими. Любовь идиотов — мать ненависти.

— Юпитер, ты сердисься, следовательно, ты не прав...

— Вот-вот, умеете только цитировать, прикрываться фразами, не вникая в их смысл. Память хорошая, а ума нет. Для вас история культуры — пустой цитатник. Нет, не дождетесь, судьбоносных решений во гневе не принимаем. Но ненавижим с чувством, с толком, с расстановкой.

— Цитата не точная.

— Зато в ней есть смысл. Попробуй вдуматься.

— Ты хочешь сказать, что ты не отдашь мне Дашку?! Так и скажи. А то все ходишь вокруг да около. Правдолюбец. Гуманист!

Юлий вновь взял паузу. Он долго ходил по комнате, держа руки за спиной, и думал о чем-то своем. Он выпрямился и подтянулся, в осанке появилось больше стойкости и несгибаемости, но, как ни странно, теперь он больше напоминал заключенного, нежели лютого Маршала.

И Юлия вдруг чуткими фибрами сделала вывод: чем умнее и сильнее мужчина, тем более уязвимыми у него становятся слабые места. А уж ахиллесова зона мужа ей была известна давно: ум и порядочность — то, что делает его сильным.

И Юлия успокоилась. Пауза продолжалась, но теперь ее контролировала неверная жена. Она же и решила, когда продолжать прерванный разговор.

— Ты помнишь, как мы с тобой познакомились?

— Скорее всего, ты лучше это помнишь. Скажи мне честно: ты меня любишь?

— Не знаю...

— Ответ убедительный. Bravo.

— А ты меня любишь?

— Честно?

— Не знаю...

— Ты боишься не только честных вопросов, но и честных ответов.

— Я боюсь жизни без веры. И без любви. Не разрушай мою жизнь.

— Ты боишься посмотреть правде в глаза. И прикрываешься пустыми словами. Цитируешь маму.

— Юлик, не забывай: я все еще живая. И мне больно.

— Ладно. Из уважения к тебе, к нашему прошлому и моему будущему отвечу честно. Я не люблю тебя, нет; но я все еще не утратил желания тебя любить, хотя ты меньше всего на свете достойна любви. И я не прощу тебе предательства. Вряд ли ты поймешь, но я считаю так: если я прощу предательство, то ты должна быть первой, кто перестанет меня уважать. Простить предательство — это в стиле a la Василий закрыть глаза на проблему, сделать вид, что все само собой рассосалось. Было — и сплыло. Все само собой уладилось и устроилось. Безо

всяких душевных затрат. Это малодушие, чтобы не сказать бездушие или равнодушие. Простить можно временную глупость. Слепление. Вспышку страстей, если угодно. Да и то лишь в том случае, если провинившийся хоть немного был жертвой. Когда человек поумнел, стал лучше, загладил вину — проехали и забыли. Хотя и тут сердцу не прикажешь. Может, проехали, а может, и заноза на всю жизнь. Умом любовь не лечится, хотя без ума погибает. Что касается тебя, то ты мало похожа на жертву обстоятельств; скорее ты жертва своего эгоизма. Вот была, была милой, белой и пушистой, а потом вдруг перестала скрывать нутро. Была добрым зайчиком, да обернулась злым волком. А кто ты на самом деле? Я испытываю к твоей двойственной сущности противоречивые чувства, извини за выражение. Но сейчас, на этом этапе, я вынужден желать тебе, матери своей дочери, всего наилучшего; я одновременно презираю тебя и злюсь на тебя. Возможно, так любовь к тебе покидает мое сердце. Не знаю. Ты думаешь, я все понимаю? Да я запутался не меньше твоего. Но я знаю, где выход и как его искать. Я не слепой — просто вокруг меня сейчас темнота. И я иду в ту сторону, где рано или поздно появится свет в конце тоннеля. А вот ты слепа, как темень болотная... Ты не столько думаешь, сколько выгораживаешь себя. Думаешь только о себе. Швыряешься цветами. То есть, опять же, — не думаешь. Дашка не только твоя дочь, но и моя. А ты об этом ничего еще не сказала. Сейчас, на этом этапе, ты, именно ты, хранительница очага, делаешь нас всех чужими. Кроме всеразрушающей любви и страха перед жизнью, у тебя ничего за душой. Таких добрых самаритян, как ты, надо хорошенько время от времени тыкать рыжей мордой в стену. Или в линолеум. Чтобы устраивать сотрясение мозга, если он в вашем сером веществе присутствует как таковой.

В словах Юлия звучали не только обида со слабостью, но и отчаяние, разбавленное силой. При желании Юлия могла бы и обидеться.

Но она из чувства самосохранения поддалась иному, более сложному переживанию.

— Ты решил меня добить?

— Я решил выяснить с тобой отношения. Люди должны строить отношения, холить их и лелеять. Время от времени — капитальный ремонт: выяснение отношений. Мы жили с тобой, но на чем держался наш союз, было неизвестно. Мы просто жили-были. Это так унижительно: любить достойных презрения, неизвестно за что — прощать, хотеть как лучше, не давая себе труда подумать при этом. Как приятно добрым быть. Белым и пушистым. Сам на лавку, хвост под лавку. Тьфу на это сказочное бытие! Как только начинаешь понимать, включаются совсем иные, умные чувства. Человек в меру своих возможностей становится хорошим. И это закон жизни.

— Я ничего не понимаю, я запуталась. Просто скажи мне: как мы будем жить?

— Лично я собираюсь жить, как хороший человек. Вот ты считаешь себя хорошим человеком?

— Я не знаю... Я ни в чем не уверена. Как можно сказать о себе такое — я есть хороший человек? Это самоуверенность. Гордыня. Грех.

— Ладно. В таком случае назови вещи своими именами — скажи, что ты плохой человек. Стерва.

— Я не могу сказать о себе такое. Я не хуже, чем все остальные. И вообще... Человеку нельзя говорить, что он плохой. Нельзя ставить на нем крест.

— Назвать плохого плохим — самое богоугодное на свете дело. А крест на нем ставлю не я — ставит он сам. Или его мама.

— Какое тебе дело до того, хорошая я или плохая? Ты мне — кто? Судья? Муж?

— Я? Можно сказать, биологический отец твоей дочери. А по сути, просто прохожий. Я тебе как-то приснился по весне. А потом тебе приснился Василий. Имей в виду: плохая ты мне не нужна. Без раскаяния, то есть, без осознания своей вины, ко мне не подходи. При этом молитвы не в счет. Не торопись замаливать грехи, а то успеешь. Оставь это богоспасаемое занятие в утешение своей матери, бездарной, но такой добросердечной. Вот ей точно все простится. Ибо она не ведала, что творила... Как с гуся вода. Ну, что за люди эти пернатые! Скажи, почему она называла тебя «моя Жемчужина Лотоса»?

— Потому что любила меня. Лотос был ее любимым цветком. Ничего инфернального, как видишь.

— Знаешь, что такое эффект лотоса в вашем случае? Это когда к человеку не пристаёт ничто человеческое: ни хорошее, ни плохое. Как с гуся вода. Добро и зло приемли равнодушно. Почему к вашей семейке не липнет ничто хорошее? Да потому, что вы жуткие эгоисты. Вы равнодушны ко всему на свете, кроме самих себя. Вот почему на вашем семейном гербе красуется лотос. Не любовь, верность, патриотизм, о, нет. Лотос. Вещь в себе. Чистая красота. Не судите, да не судимы будете. Но вы не учли одного: если не пристаёт добро — липнет зло. Равнодушие — форма зла. Вот почему вы маскируетесь под страстотерпцев-праведников, для вас иконы, вера, любовь, милосердие, дети, родители — всего лишь самый эффективный камуфляж. Вы растете из болотной грязи, а делаете вид, что непорочны, как перл, как слезинка Дашки. Вот кто ты на самом деле — Лотос. Твоя мать была права. Понимаешь, к чему я?

— Нет.

— Маршал правильно сделал, что расстрелял твоего деда. Такое, лотосиное отношение к жизни надо изводить на корню, — вкладываясь в каждое слово, отчеканил Юлий.

И это прозвучало как приговор, обжалованию не подлежащий.

— Ладно. Ты меня ненавидишь. Я тебе изменила, я плохая... Но как же Дашка, мой Цветок? Моя Жемчужина? Ее тоже — под корень?

— Дура ты. Для тебя все в этой жизни материал. И я. И Дашка. И Василий. И твоя мать. И дед. Все, все брошено на священный алтарь эгоизма.

— У моей дочери должна быть любящая мать! И любящий отец!

— Разумно любящие родители, ты хотела сказать?

— Я не знаю... Просто любящие. Разве так не бывает?

— Не бывает. Просто любовь — это ни к чему не обязывающее равнодушие. Человек человеку — лотос. Вот ваша болотная философия.

— Так ты хочешь сказать, что не отдашь мне Дашку?! Это я тебе ее не отдам. Ты сам сказал, что запутался. Так вот я все распутая и расставлю по своим местам.

Теперь Юлия прекрасно знала, что она будет делать. С ее души, как с гуся вода, как утренние росинки с лотоса, сбежали последние капли иллюзий. И она предстала миру свежей, омытой, готовой к битве с чарами ума.

И Юлий знал, чего следует ожидать в ближайшем будущем. Он тоже расстался с иллюзиями, приобретя взамен горькое знание. Лотос, болотный сорняк, произрастал в потемках души. И бороться с ним было делом безнадежным. Хотя и необходимым.

Глаза у Юлии загорелись бело-холодным блеском, а у Юлиа в ответ сжалось сердце.

«Не дав слова, держись, а дав слово, крепись», — подумал он.

И в ответ ему послышался голос дочери (круглые глаза — две серые жемчужины, как он раньше этого не замечал! — честно распахнуты, можно не сомневаться):

— Папа, ты не будешь плохим; ты будешь просто чужим.